

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.54.13>

СОМОНИМЫ В СОСТАВЕ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Научная статья

Рябчикова З.С.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-7297-5590;¹ Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (rzs05[at]mail.ru)

Аннотация

В настоящей работе рассматривается соматическая лексика, широко представленная в устойчивых сочетаниях хантыйского языка – во фразеологизмах. Соматические фразеологизмы – это фразеологические единицы, в составе которых заключаются слова, обозначающие наименования частей тела или внутренних органов человека или других живых существ. Материалы исследования выявлены автором в полевых условиях от носителей традиционной культуры из диалектов хантыйского языка (сургутский, ваховский, казымский, шурышкарский, березовский). В работе использованы лексические примеры, выбранные из диалектных словарей и исследований отечественных и зарубежных ученых. Фразеологизмы имеют образный характер и придают речи оттенок непринужденности и выразительности; поскольку они метафоричны, слова в них приобретают переносно-образное значение. Соматические фразеологизмы возникли на основе наблюдения человека над самим собой и поведением живых существ: зверей, птиц, рыб, насекомых.

Ключевые слова: соматическая лексика, сомоним, фразеологизмы, хантыйский язык, уральские языки.

SOMONYMS IN THE COMPOSITION OF FIXED COMBINATIONS OF THE KHANTY LANGUAGE

Research article

Ryabchikova Z.S.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-7297-5590;¹ Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (rzs05[at]mail.ru)

Abstract

This study examines the somatic vocabulary, widely represented in stable combinations of the Khanty language – in phraseological units. Somatic phraseological expressions are phraseological units that contain words denoting the names of body parts or internal organs of humans or other living beings. The materials of the research were identified by the author in the field from the carriers of traditional culture from the dialects of the Khanty language (Surgut, Vakhovsky, Kazymsky, Shuryshkarsky, Berezovsky). The work uses lexical examples selected from dialect dictionaries and studies of domestic and foreign scholars. Phraseological phrases have a figurative character and give the speech a touch of ease and expressiveness; since they are metaphorical, the words in them acquire a figurative meaning. Somatic phraseological expressions have originated on the basis of man's observation of himself and the behaviour of living beings: animals, birds, fish, insects.

Keywords: somatic vocabulary, somonym, phraseological units, Khanty language, Ural languages.**Введение**

Сомонимы хантыйского языка послужили основой для создания устойчивых сочетаний слов – фразеологизмов: фразеологических сращений и фразеологических единств. С их помощью удачно передаются конкретные и абстрактные понятия повседневно-бытовой, культурно-технической, общественной жизни. Чаще других в составе фразеологизмов встречаются сомонимы *õx* 'голова', *set* 'глаз', *pã*; 'ухо', *ñõ*; 'нос', *õñä*; 'рот', *ñä*; *ät* 'язык', *peñk* 'зуб', *tür* 'горло', *añkär* 'плечо', *šãñš* 'спина', *tewä*; 'грудь', *jõš* 'рука', *kür* 'нога', *õñ* 'живот', *sãt* 'сердце'. Из них самыми употребительными являются *õx* 'голова', *set* 'глаз', *pã*; 'ухо', *ñõ*; 'нос', *jõ* 'рука', *kür* 'нога', *sãt* 'сердце'. Перечисленные соматические компоненты в хантыйских фразеологизмах употребляются с разной степенью частотности. При сборе материала использовался метод полевого лингвистического исследования (непосредственное наблюдение и интервьюирование). Лингвистические методы, применяемые в данной работе – описательный, сравнительно-сопоставительный, метод компонентного анализа. Материалом исследования послужили данные, собранные в процессе экспедиций в места компактного проживания хантов.

Обсуждение

Основными особенностями хантыйских фразеологизмов являются следующие:

1. Соматический фразеологизм состоит из двух или более знаменательных слов: Каз. Тег. *küräñ wäj* 'лось' (букв.: зверь, имеющий ноги), то есть длинноногий зверь, зверь с сильными ногами.

2. Фразеологизмы характеризуются раздельнооформленностью компонентов. Раздельнооформленность обусловлена тем, что элементы фразеологизма являются самостоятельными лексемами, а не основами, как в композитах, например:

Тег. *jəš amr* 'домашняя, ручная собака' (букв.: рука-собака);

Тег. *jəš kăti* 'домашняя, ручная кошка' (букв.: рука-кошка);

Тег. *jəšən tăjti amrem* 'ручная собака' (букв.: в руках держать собака=моя) [5].

3. Необходимым признаком хантыйских фразеологизмов является устойчивость, т. е. постоянное соединение компонентов, но допускающее в определённых случаях вариации в структуре и семантике, которое возникает в процессе многократного повторения фразеологизма в речи. Особенность устойчивости хантыйских фразеологизмов состоит в том, что фразеологизм как единица языка имеет постоянный лексический состав и структуру, а как единица речи он предполагает преобразования. 4. Для фразеологизмов характерна метафоричность. В отличие от свободных языковых единиц, значение которых всегда является суммой составляющих его компонентов, общее значение соматических фразеологизмов хантыйского языка всегда является семантическим новообразованием: Тег. *təxləŋ χəp* 'самолёт' (букв.: лодка с крыльями), то есть летающая лодка.

Выделение перечисленных признаков даёт возможность определить объём фразеологии. К фразеологии относятся все устойчивые словосочетания и предложения, состоящие из двух и более компонентов с метафоричной семантикой.

В любом языке мира существуют соматические фразеологизмы. Они возникли из наблюдения людей над ежедневными физиологическими процессами. Человек замечает, что чувства содействуют телесным изменениям: покраснению или побледнению кожи тела (лица), ускорению или замедлению ритма биения сердца, расширению или сужению зрачка глаза и т. д. Такие наблюдения устоялись в языке, и сочетания слов, вначале лишь обозначавшие эти явления, затем стали употребляться для выражения психических процессов в организме людей. Так появились хантыйские соматические фразеологизмы:

вах. *sem-pəl wertä* 'радоваться' (букв.: глаза-уши делать) [9, С. 426];

аг. тр-юг. у-аг. *ńöl-săm wuta* 'лично видеть, встречаться' (букв.: нос-глаза видеть, знать) [9, С. 317]; Тег. *əχ pōnti* 'кланяться, молиться' (букв.: голову положить) [5];

Человек легче замечал то, что проявлялось внешне, и поэтому фразеологизмы, имеющие в своём составе названия видимых органов, более правильно отражают психическое состояние человека [7]. Например: Тег. *pakəntə; pōrajən semjə;a; wuna ta;;ə;e* 'при сильном удивлении или при большом утрашении человек широко раскрывает глаза' (букв.: испугавшись, глаза=свои два большими растягивает); Тег. *penkə; tχmə;* 'скрипит зубами' (букв.: зубы=его разрываются); Тег. *ńəχəŋ wenšən ;jə;* 'улыбается' (букв.: со смешным лицом стоит) – *aməttə; pōrajən j.špət χətsə;6 ńəχəŋ wenšən ;jə;* 'при радости хлопает (ударяет) в ладошки, улыбается'.

Однако то, что происходит внутри организма, человеку не совсем понятно, не видно отчётливо, поэтому значение фразеологизма выражается не столь определённо: Тег. *tūrem s.r;a'* 'меня гнетет' (букв.: горло=мое сохнет) [5]; Тег. *ta sāmtem ner;a* 'меня гнетет, сердце ноет' (букв.: сердце=мое трет) [5]; Каз. *сәмј ци ювәрјәлы* 'он голоден' (букв.: сердце=его свернется) [8, С. 288].

Соматические фразеологизмы в хантыйском языке употребляются в повседневной разговорной речи, в произведениях устного поэтического народного творчества ханты, а также в художественной литературе, в газетно-публицистических материалах и др. Соматическая лексика в составе фразеологических оборотов часто используется для привлечения внимания собеседника или слушателей к сообщению рассказчика, говорящего в фольклоре и в обыденной хантыйской речи. Например: Влюбленный парень обычно говорит о красивой, изящной девушке: Тег. *šī mōrta χōrasəŋ ńōχə; mōχti ;ōwə; ni;ab ;ōwə; mōχti we;mə; ni;a* (букв.: до чего красивая: через мясо=её (тело=её) кости=её видны, через кости=её мозги=её видны) [5]. Š. *ńōχet muχtə tūwet χutty, tūwət muχtə wetmət χutty; tīlsa wanttə isə ješ, χātyla wanttə isə ješ* 'сквозь её тело кости светятся, сквозь её кости мозги светятся; на луну смотри, она такая же, на солнце смотри, она такая же' [10, С. 311].

Благодаря использованию в поэтической формуле сомонима *ń.χə;* (*ńōχet*) *тело* (букв.: мясо), остеонима *;ōwə;* (*tūwet*) *кости*, спланхнонима *we;mə;* (*wetmet*) *мозги* создаётся выразительный образ девушки, красота которой вызывает восхищение как говорящего, так и окружающих её людей. В хантыйской народной речи названия частей тела человека используются метонимически и при создании прозвищ: Тег. *p.;t tūš iki* 'седой мужчина' (букв.: белая березовая труха – борода – мужчина), то есть это мужчина с бородой, как березовая труха; Тег. *sem wantti χu* 'всевидящий, всеуспевающий' (букв.: глазами смотрящий мужчина); Тег. *ńar sem* – говорят о человеке, всегда плачущем, в слезах или 'с сырыми глазами' (букв.: сырые глаза) [5].

В речи коми в качестве прозвищ и неофициальных имен людей: Юмоо-Син-Өвдөття 'сладкоглазая Авдотья' (коми юмов, юмоо 'сладкий', син 'глаз'), Ош-Пель-Анна 'медвежье ухо Анна' (коми ош 'медведь', пель 'ухо') [3, С. 65]. В ненецком языке: Венго 'собачье ухо' – от ненецк. *Вэн ха*, где *вэ* 'собака', *ха* 'ухо' [1, С. 11].

В сравнительных оборотах хантыйской народной речи сомонимы выступают в качестве образного средства, придающего живость, выразительность: Š. *ij j.šep ń.p j.š* 'твоя рука – передняя нога (букв.: рука) лосёнка' [10, С. 313]. Устойчивый оборот образно обозначает недюжинную силу руки человека.

Оценочный характер заключен во фразеологизмах: Тег. *j. šə; ken* 'надёжно' (букв.: легкой рукой=своей); Тег. *jām j.š* 'лечащая рука' (букв.: хорошая рука) [5]. Каз. *jām j.šem* 'своей рукой' [10, С. 313], то есть надёжно (букв.: хорошей рукой); Тег. *aršək χOjat j.š jāχa* 'дружно всё под силу' (букв.: многих людей рука вместе) [5].

Во многих фразеологических единицах хантыйского языка стержневым центром выступают названия частей тела человека или других живых существ. Рассмотрим более детально употребление отдельных сомонимов в составе фразеологизмов: *голова* и *сердце*.

Голова

Сомоним *голова* (V Vj. .γ, Trj. oγ, J ow, Irt. ux, əχ-, Ni. Š ux, Kaz. Sy. O əχ, Ahl. ox и т. д. [10, С. 30], Шур. Тег. əχ, Каз. ux [5]) широко используется в фразеологии. В частности, он наблюдается в метонимическом употреблении для обозначения священных действий и почтительного отношения говорящего к собеседнику:

Vj. *ɔy pǎnta*, V *ɔy pǎny2lta*, Irt. *ux pǎnta*, Kaz. *õx pǎnti*, Patk. *ux panem*, Ahl. *ox ponlem* ‘кланяться, поклониться’, Š *õx pǎnti* ‘молиться’ [10, С. 30], Tег. *õx pǎnti* ‘молиться, поклоняться’ [5] (букв.: голову положить). Ср.: Tег. *šiti wer;æt pɔr;æti xǎrn, turəm pe;i pɔjǎksǎ;æt jǎxa jɔxtəm röt jɔx, jö;æn xɔt;a;æn isī õx pǎn;æt ;arās ɔmæsti šõŋk pe;i* ‘обычно делают на святых местах, богу поклоняются вместе приехавшие родственники в доме тоже *голову кладут* [молятся] стоящему в углу ящичку’ [5]. Устойчивое сочетание с сомонимом *õx* обозначает не только ‘молиться, кланяться’, но и приветствие: *õx pǎnti* ‘поприветствовать’ [5]. Слово *õx* ‘голова’ выступает в качестве атрибута, обозначающего ‘старший, основной’, ‘главный’ к определяемым им словам: *ox-lē* ‘хозяйка дома’ (букв.: главная женщина) [5]; Ahl. *ox-rõr* ‘первосвященник’ (букв.: главный поп) [10, С. 31].

Словом *õx* ‘голова’ в диалектах хантыйского языка называют также чиновника любого ранга, имеющего хотя бы какую-либо власть над людьми: V *āj-ɔx* ‘маленький служащий, помощник, старшина’ (букв.: маленькая голова); Ahl. *ox-xo*, Ni. Š *ux-xu*, Kaz. *õx-xo* ‘руководитель, начальник’ (букв.: голова-мужчина) [10, С. 31]. Tег. *õx jɔx* ‘начальники, главные люди’ (букв.: голова-люди) [5]; то же и о животных: Шур. *õx kǎ;æŋ* ‘вожак’ (букв.: голова-олень) [5]. В героических песнях народных героев, князей городов называют Patk. *tʰat-ux* ‘главнокомандующий армии воинов’ (букв.: голова войска); *voč-ũx* ‘князь города’ (букв.: голова города) [10, С. 32].

Соматические фразеологизмы со словом *õx* ‘голова’ служат также и для обозначения процесса мышления: Tег. *õxa jũxæt;iti* ‘вспоминать’ (букв.: в голову приходиться) [5]. Данное выражение имеет варианты значения: ‘в голову входить’, ‘случайно взбрести в голову’. Tег. *õxæ; at pǔmæsæ; ‘думай своей головой’* или ‘думать надо’ (букв.: голова =его [или =своя] пусть думает) [5]. Сомоним *õx* употребляется в случаях, когда человек становится психически ненормальным, бесконечно много говорит, поет, что на ум придет: Tег. *Oxæ; ätma jis* ‘сумасшедший’ (букв.: голова=его стала плохой) [5].

О физической боли можно сказать: Tег. *õxet kǎši* ‘голова=моя болит’ [5], Kaz. *õx nõxi õptæ; pi;a ši mǔrta ši kǎši* ‘головное мясо с волосами так сильно так болит’ [5]. Tег. *õxæ; kǎtæ;sa* ‘отравился угарным газом’ (букв.: голову=его схватило) [5]. Соответствующие фразеологизмы встречаются в финно-угорских, тюркских, индоевропейских языках. Слово *õx* в устойчивых сочетаниях может быть использовано и для обозначения памяти: Tег. *õxa kǎtæ;ti* ‘помнить’ (букв.: в голову поймать, схватить). Этот же сомоним используется для выражения осуждения: Tег. *õx je;emti* ‘позорить, стыдить’ (букв.: стыдиться головы). Слово *õx* во фразеологических единицах может служить для выражения настроения, разных чувств (обида, недовольства и др.): Tег. *õxæ; i; es;ä;e* ‘повесить голову’ (букв.: голову=свою вниз наклоняет) [5]. Человека, не отличающегося большим умом, характеризуют выражением Kaz. *ux atum* ‘безумный’ (букв.: голова плохая) [5]. В то же время о человеке, который работает без передышки, желая быстрее завершить работу, говорят: Tег. *õx;i-sem;i rupitæ; (букв.: без головы – без глаз работает)* [5].

О самостоятельном человеке скажут: Tег. *ũwõxæ;saɣæt* (букв.: он с головой=своей сам) [5]. Фразеологизмы со словом *õx* обозначают согласие или несогласие, нежелание: Tег. *õx j.wæ;ti* ‘кивать, соглашаться’ (букв.: трясти головой), Tег. *õx seŋti* ‘бить головой, выражая своё недовольство’, (букв.: биться головой), Tег. *Oxker;ijæ;ti* ‘не соглашаться, поворачивать головой для выражения отрицания’ (букв.: голову поворачивать) [5].

Сердце

Объем значений сомонима (V-Vj. Tрj. *səm*, Ni. Õ Kaz. *Sy. sǎm*, O *sǎm* и т. д. [10, С. 1340]) может быть широким в языке и речи. В диалектах хантыйского языка сомоним ‘сердце’ функционирует в значении ‘смелость’ [10, С. 1340]. С помощью суффикса обладания *-æŋ* от него образуется имя прилагательное: V Vj. Tрj. DT KoP Kг. *sætæŋ* ‘смелый’, Ni. Kaz. *sǎtæŋ*, O *sǎtæŋ* ‘смелый’ (букв.: с сердцем, обладающий сердцем); также Vj. ‘свирепый, неукротимый’, Ni. Kaz. O ‘интересующийся, любознательный, проявляющий интерес к работе’ [10, С. 1341]. Ср. также: Tег. *sǎtæŋ*, ‘сердечный’, *xõjat pe;i sǎtæŋ* ‘открытый, отзывчивый, с добрым сердцем’ (букв.: к кому-то сердечный) [5].

Характеризуя боязливого, трусливого человека, ханты употребляют слово, образованное от спланхнонима ‘сердце’ с помощью суффикса необладания *-li -;i -tæ, -;æy*: Kaz. *sǎm;i*, O *sǎmli*, Š *sǎmta*, Tрj. *sæt;æy* [10, С. 1341], Tег. *sǎm;i* (букв.: без сердца) [5], т. е. не обладающий смелым сердцем. Но ср.: Tег. бран. *sǎm nõxi* ‘бессердечный’ (букв.: мясо сердца), т. е. у него не сердце, а кусок мяса [7].

Спланхноним *sǎm* с суффиксом обладания *-æp, -pi* может передавать негативное значение, если в качестве атрибута к нему выступает имя прилагательное с отрицательным оценочным значением: Ni. *uxæt-sǎtæp*, Kaz. *Oxæ;-sǎtæp* ‘боязливый, несмелый человек’ [10, С. 1341] (букв.: с тонким (узким) сердцем); Kaz. *karti sǎtæp* ‘жестокий, бесчувственный’ (букв.: железное сердце имеющий) [8, С. 287]; Когда в качестве атрибута выступает имя прилагательное с позитивным значением, всё словосочетание приобретает положительную семантику: Kaz. *tak-sǎtæp*, O. *tak-sǎtpi* [10, С. 1341], Tег. *tak sǎtpi* [5] – ‘смелый’ (букв.: с крепким сердцем, крепкое сердце имеющий). Говорят, что добыть медведя может только ‘человек с крепким сердцем’.

Как показывает материал, слово, обозначающее понятие *сердце*, может входить в состав фразеологических оборотов, характеризующих различные состояния и душевные переживания человека: V *sætäm welli*, Vj. *sætäm welsi*, Tрj. J *sætmm wмЪЪlli*, DN Kг. *sættem wettmj*, Ni. Š *sættem wõxta*, Kaz. *sættem wõxça* ‘я голоден’ (букв.: сердце=моё зовёт) [10, С. 1340]. Kaz. *sǎm;ũw šī wõx;äjt* ‘мы хотим есть’ (букв.: сердца=наши зовут), *sǎtme; šī jõwær;æ;i* ‘он голоден’ (букв.: сердце=его вот свернется) [7]. Типологически близким к данному фразеологизму является идиоматическое выражение в мансийском языке: *сым этгалауке* ‘проголодаться’ [6, С. 244] (*сым* ‘сердце’, *этгалауке* ‘жаждать, хотеть есть’), *симум этгалауке* ‘мне хочется есть’ (букв.: сердце=моё жаждет, хочет есть). Tег. *nǎŋ wǔrnena sǎttem kǎši* ‘за тебя беспокоюсь’ (букв.: за тебя сердце=моё болит) [5]; Kaz. *sǎttem nõx;æmtæs* (букв.: сердце=моё шевельнулось), выражение несет оттенок радости или испуга в зависимости от контекста [5]. Kaz. *sǎttem xũ;ti mǎnæs* ‘чрезмерно испугался’ (букв.: сердце=моё куда-то ушло) *sǎttem isa mǎnæs* – то же (букв.: сердце=моё совсем ушло) *sǎttem p.xæn*; ‘я сильно пугаюсь’ (букв.: сердце=моё разорвется) [5]. В русском языке есть близкий по значению фразеологизм: сердце (моё, его) в пятки ушло (от страха). Kaz. *sǎttem pũja mǎnæs* ‘испугался’ (букв.: сердце=моё в зад ушло) [5], Tег. *sættem pũja*

jöxtas – то же (букв.: сердце=моё в зад пришло) [5]. Человеку, который чем-то испуган, говорят: *nāŋ möj š.wər sām ;esən* (букв.: ты что сердце зайца съел?) [5].

Устойчивые выражения с ангионимом *sām*, встречающиеся в разговорной речи, могут отражать социокультурное своеобразие, вызванное условиями жизни хантов. Например, Тег. *sām tij pū;ən wō;ti* ‘жить с небольшим кусочком сердца’ (букв.: с куском верхушки сердца): *šimās xānneχujat wu;;ət, šimā; ;etōt ;e;ət, šī xōjat ;;əŋən pōtar;əb sām tij pū;ən wu;*; ‘есть люди, которые мало еды едят, о них говорят: живут небольшим кусочком сердца (куском верхушки сердца)’ [5].

Понятие *полюбить* выражается устойчивыми словосочетаниями: Каз.*sāmapunti* (букв.: в сердце вложить), то есть в сердце вкладывают что-то заветное, запоминающееся, приятное; *sāmarāχə;ti* (букв. ‘к сердцу приблизиться, подойти’ [5]. То чувство, которое испытывает человек, импонирует ему, оно гармонирует с его сердце. Тег. *nāŋ masāmetam.s;ən* ‘я тебя люблю’ (букв.: ты сердцу=моему нужен); *masāmetam;ōŋəs* ‘полюбил, понравилась’ (букв.: в сердце=моё вошёл) [5]. И, напротив, если «не лежит душа к человеку, не нравится он», *masāmetamānŋāχə;* (букв.: сердцу=моему не подходит).

Заключение

Анализ материала показывает, что соматические элементы со словом *ōχ* ‘голова’ в составе фразеологизмов имеют самые разные значения: используют для обозначения процесса мышления, для выражения осуждения, может служить для выражения настроения, разных чувств (обиды, недовольства и др.); можно сказать о человеке, не отличающегося большим умом, в то же время о человеке, который работает без передышки, желая быстрее завершить работу. В метонимическом употреблении наблюдается для обозначения священных действий и почтительного отношения говорящего к собеседнику; в диалектах хантыйского языка так называют также чиновника любого ранга, имеющего хотя бы какую-либо власть над людьми.

Устойчивые словосочетания со словом *Ох* ‘голова’ характеризуют степень зрелости человека, как физической, так и умственной, фразеологизмы подчёркивают физическое состояние человека (болезнь, головокружение, эйфорию): Тег. *ōχ t.tijə;* ‘лихорадочное состояние, озноб’ (букв.: голова трясется), Тег. *ōχet kāši* ‘я болею’ (букв.: голова=моя болит) [5]; выражают недоброе пожелание, угрозу в адрес собеседника или третьего лица, не присутствующего в момент речи: Каз. *иχ пиχ тенемәти* ‘оторвать голову’ (обычная угроза матери или отца в адрес своего непослушного ребёнка), *иχеп пиχ тенет;әт* ‘голову оторву’ (букв.: голову=твою вверх порву) [2] (метонимически вместо головы может упоминаться шея, ср.: Тег. *sap;en χō;t sewərma;әт* ‘голову оторву’ (букв.: шею=твою совсем отрублю) [2]). Ср. также Каз. *цатцашен ух пушах* ‘твоего деда (по отцовской линии) голова’. Так говорят при испуге или недовольстве высказываниями собеседника, во втором случае это произносится с иронией [4, С. 123].

В произведениях устного народного творчества ангионим со значением ‘сердце’ имеет широкое распространение, ибо с его помощью эмоциональный мир человека (его чувства, мысли, межличностные отношения и т. д.) передаются ярче и точнее: Каз. *tujsər xānneχθ, šimās sām tājə;* ‘какой человек, такое и сердце имеет’ [2]. В этом фразеологизме ангионим *сердце* приравнивается по значению к понятиям *характер, нрав, обыкновение*. Метонимическое использование названия внутреннего органа человека в данном контексте явно предпочтительнее в употреблении по сравнению с нейтральными синонимичными субстантивами, с помощью которых обыкновённо даётся описание внутреннего мира индивида. Даже окружающие неодушевленные предметы воспринимаются как имеющие сердце. Ср.: *намәт сām* ‘игольницы сердце’, по сведениям мастериц, раньше категорически запрещалось втыкать иголку в середину (в сердце) игольницы, этого правила придерживаются по сей день [4, С. 163].

Обские и казымские ханты ночные и дневные люльки орнаментировали. На спинке дневной люльки одну из зон, по поверью хантов д. Юульск на реке Казым, орнаментировать нельзя «*валупсел ювря керлал*» (букв.: *валупсы* – жизнь [судьба], *ювря* – неправильно, *керлал* – повернет). Считается, что судьбу ребенка определяет богиня Калтац, и вмешательство посредством нанесения орнамента на «вместилище сердца») может навредить ему. Это место называется *сām лот* ‘вместилище для сердца’ (букв.: *сām* – сердце, *лот* – углубление) [4, С. 15].

Рассмотренный материал показывает, что сомонимическая лексика занимает важнейшее место в хантыйской фразеологии, придающей народной речи яркость, меткость, выразительность. Она отражает восприятие окружающей действительности через познание человеком самого себя и через его отношение к природе и обществу. Фразеологизмы хантыйского языка еще не стали объектом целенаправленного исследования, что является важнейшим делом для становления хантыйского языкознания.

5.1. Сокращения названия языков и диалектов

В названиях языков и диалектов:

- венг. – венгерский язык;
- коми-зыр. – коми-зырянский язык;
- манс. – мансийский язык;
- ф-уг. – финно-угорские;
- каз. – казымский диалект;
- вах. – ваховский диалект;
- приур. – приуральский диалект;
- шур. – шурьшкарский диалект;
- тег. – тегинский говор березовского диалекта;
- сург. – сургутский диалект.

В названиях диалектов и говоров по Н. И. Терешкину:

- аг. – аганский говор сургутского наречия;
- тр.-юг. – тромьюганский говор сургутского наречия;
- у-аг. – усть-аганский говор сургутского наречия;

вах. – ваховские говоры вах-васюганского наречия;

юг. – юганский говор сургутского наречия.

В названиях диалектов по DEWOS:

Ahl – говор с. Берёзово (берёзовский диалект), по Алквисту;

DN – говор по верхней Демьянке (Irt.), по Карьялайнену;

DT – говор по нижней Демьянке (Irt.), по Карьялайнену;

Irt. – иртышский диалект (наречие), в т.ч. говоры: DN DT Fil. Kam. Ko. Koš. Ts. Tš;

J. – юганский диалект (Sur.);

Kaz. – казымский диалект;

KoP. – говор юрт Каменские на Конде (кондинский диалект), по Паасонену;

Kr. – говор юрт Красноярские на Конде (Irt.), по Карьялайнену;

O – обдорский диалект, по Карьялайнену, Алквисту, Папаи, Регули, Штейницу, Вологодскому;

Sy. – диалект по р. Сыня, по Штейницу, 1935;

Š – шеркальский диалект, по Штейницу, 1935; Ttj. – тромьюганский говор (Sur.);

Mj. – говор по р. Мальй Юган (Sur.), по Карьялайнену;

V – ваховский диалект;

Vj. – васюганский диалект;

V-Vj. – ваховско-васюганский диалект;

Ni – низямский диалект на Оби, по Карьялайнену.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Лебединская В.Г., Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.54.13.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Lebedinskaya V.G., Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.54.13.1>

Список литературы / References

1. Вануйто Г.И. Ненецкая антропонимия и топонимия Гыданского полуострова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.И. Вануйто. — СПб, 2003. — С. 11.
2. Картотека Научного языкового центра Югорского государственного университета. — Ханты-Мансийск, 2002–2004.
3. Лаптандер Т.Б. К вопросу о сравнительном изучении антропонимии коми и ненецкого языков в ареале Ямало-Ненецкого автономного округа / Т.Б. Лаптандер // Актуальные проблемы археологии и этнологии Ямала: научный вестник. — Салехард, 2002. — Вып. 9. — С. 65.
4. Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского приобья: семантика, морфология, генезис / Т.А. Молданова. — Томск.: Изд-во Том. ун-та, 1999. — С. 15, 123, 163.
5. Полевые материалы автора, собранные в экспедициях на территории Ханты-Мансийского автономного округа–Югры [здесь: Белоярский, Теги, Ханты-Мансийск].
6. Ромбандеева Е.И. Русско-мансийский словарь / Е.И. Ромбандеева. — СПб.: Миралл, 2005. — С. 244.
7. Рябчикова З.С. Соматическая лексика хантыйского языка / З.С. Рябчикова; отв. ред. Т. Н. Дмитриева. — Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2012. — 263 с.
8. Соловар В.Н. Соматические фразеологизмы хантыйского языка / В.Н. Соловар // *Linguistica Uralica*. Tallinn. — 1999. — №4. — С. 286–290.
9. Терёшкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов / Н.И. Терёшкин. — Л.: Наука, 1981. — С. 317, 426
10. Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache* / W. Steinitz, D.A. Berlin, G. Sauer et al. — 1966.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vanujto G.I. Neneckaja antroponimija i toponimija Gydanskogo poluostrova [Nenets anthroponymy and toponymy of the Gydan peninsula]: abst. ... dis. of PhD in Philological Sciences / G.I. Vanujto. — SPb, 2003. — P. 11. [in Russian]
2. Kartoteka Nauchnogo jazykovogo centra Jugorskogo gosudarstvennogo universiteta [Card file of the Scientific Language Center of the Yugra State University]. — Khanty-Mansiysk, 2002–2004. [in Russian]
3. Laptander T.B. K voprosu o sravnitel'nom izuchenii antroponimii komi i neneckogo jazykov v areale Jamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga [On the issue of comparative study of the anthroponymy of the Komi and Nenets languages in the area of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug] / T.B. Laptander // *Aktual'nye problemy arheologii i jetnologii Jamala: nauchnyj vestnik* [Actual problems of archaeology and ethnology of Yamal: scientific bulletin]. — Salehard, 2002. — Iss. 9. — P. 65. [in Russian]
4. Moldanova T.A. Ornament hantov Kazym'skogo priob'ja: semantika, morfologija, genezis [Ornament of Khanty of the Kazym'sky Priobye: semantics, morphology, genesis] / T.A. Moldanova. — Tomsk.: Publishing House of the Tomsk university, 1999. — P. 15, 123, 163. [in Russian]

5. Polevye materialy avtora, sobrannye v jekspedicijah na territorii Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga–Jugry [Author's field materials collected in expeditions on the territory of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra] [here: Beloyarsky, Tags, Khanty-Mansiysk]. [in Russian]
6. Rombandeeva E.I. Russko-mansijskij slovar' [Russian-Mansi dictionary] / E.I. Rombandeeva. — SPb.: Mirall, 2005. — P. 244. [in Russian]
7. Rjabchikova Z.S. Somaticheskaja leksika hantyjskogo jazyka [Somatic vocabulary of the Khanty language] / Z.S. Rjabchikova; ed. by T. N. Dmitrieva. — Khanty-Mansiysk : Print-Klass, 2012. — 263 p. [in Russian]
8. Solovar V.N. Somaticheskie frazeologizmy hantyjskogo jazyka [Somatic phraseological units of the Khanty language] / V.N. Solovar // *Linguistica Uralica*. Tallinn. — 1999. — №4. — P. 286–290. [in Russian]
9. Terjoshkin N.I. Slovar' vostochno-hantyjskih dialektov [Dictionary of Eastern Khanty dialects] / N.I. Terjoshkin. — L.: Hauka, 1981. — P. 317, 426 [in Russian]
10. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache [Dialectological and etymological dictionary of the Ostyak language] / W. Steinitz, D.A. Berlin, G. Sauer [et al.] — 1966. [in German]